

Глава 8. Замыслы киноимператора

У Вэй Ивэя в студии был близкий друг, который по совместительству работал его менеджером. Поскольку Ивэй был ещё молод, он называл его просто Лао Чжан.

С мрачным лицом Лао Чжан зашёл в гримёрку. Ивэй как раз накладывал маску — до выхода к визажисту оставалось немного времени.

Мастер, заметив менеджера, деликатно сослалась на необходимость отлучиться и покинула помещение.

Лао Чжан плотно прикрыл дверь, подошёл ближе и, глядя на Ивэя, который лежал с закрытыми глазами, понизил голос:

— Темы о Цинь Бао удалили.

Ивэй снял патчи с глаз и повернулся к нему, словно не совсем понимая, о чём речь.

— Из горячих запросов! — Лао Чжан дважды стукнул пальцем по столу. — И это ещё не всё. Маркетинговым аккаунтам дали по рукам: велели больше не публиковать никакого негатива о Цинь Бао.

— Кто это сделал? — Ивэй не придавал этому особого значения. — В «горячее» попадает тот, у кого есть деньги, и удаляют точно так же.

Это было лишь начало, обычный прогрев перед бурей.

Лао Чжан выглядел крайне обеспокоенным:

— В том-то и проблема, что неизвестно кто. Знал бы — не дёргался бы так. Разузнать ничего не удалось. В руководстве социальной сети те ещё мастера «уходить в отказ», а те несколько аккаунтов, которым мы платили, намекнули: Цинь Бао лучше не трогать. Похоже, за ним кто-то стоит. Очень влиятельный.

Ивэй иронично усмехнулся:

— Кто? Неужто его «папик» круче моего?

Он и сам был не в восторге от этой ситуации, но, попав в эту лодку, сойти с неё по собственному желанию уже не мог. По крайней мере, сейчас, не имея ни веса, ни связей, он был вынужден полагаться на чужую поддержку.

На самом деле ему было всё равно. Его лишь удивило, что Цинь Бао, такой с виду чистенький, оказался... Впрочем, взглянув на своё отражение в зеркале, он одёрнул себя: внешность обманчива, в этом мире и не такое бывает.

— Слушай, ну хватит тебе про «папиков». Нечем тут гордиться.

— А чего бояться? В прошлый раз, когда меня пытались разоблачить, всё ведь замяли?

Деньги решали всё. После возвращения в страну он не раз покупал рекламу и «заказывал» конкурентов в соцсетях, но всегда действовал осторожно, выжидая удобный момент. Цинь Бао казался идеальной мишенью: мало работ, но популярность не падает — в основном благодаря второстепенной роли в блокбастере именитого режиссёра, которая затмила многих главных героев в фильмах попроще.

Такая удача всегда вызывала зависть. Да ещё и это шоу «Семьдесят два часа»... С чего бы это национальному проекту так в него вцепиться? Неужели в прошлой жизни он спас галактику?

Вэй Ивэй не верил в удачу. Только в связи и покровителей. Без них талант ничего не стоил. Он понимал: Цинь Бао на взлёте многим перешёл дорогу. Стоит ему выпустить ещё пару сериалов, и он закрепится в первом эшелоне. Желающих «утопить» его и так предостаточно.

Станным было лишь одно: кто этот таинственный покровитель, способный заткнуть рты такому количеству людей, оставаясь при этом в тени?

— В общем... Эх, — вздохнул Лао Чжан.

Вэй Ивэй выбрал образ «айдола», и его фанатки были фанатично преданы ему. Если они узнают, что их кумира не просто содержат, но делает это мужчина, они почувствуют себя преданными. Если не разорвут в клочья, то это уже будет верхом милосердия.

Хуже всего было то, что пару лет назад Ивэй по неосторожности оставил тому человеку немало компрометирующих фотографий. Пока он оставался в этой лодке — он получал всё: славу, ресурсы, влияние. Но стоило бы их отношениям испортиться, и карьере пришёл бы конец.

— Да ладно тебе, от этого не умирают, — холодно бросил Вэй Ивэй. — Забудь. Если кто-то настолько крупный запрещает трогать Цинь Бао, лезть не будем. Не хватало мне ещё с ними связываться. Я и так уже «продался» один раз, второй раз цена будет ниже.

— Ты неисправим. Я же просил — не говори так.

Вэй Ивэй отвернулся к окну, разглядывая своё отражение в стекле. Он сорвал почти прозрачную маску. В его взгляде на мгновение мелькнула горечь пополам с самолюбованием, но это выражение тут же исчезло. Не дожидаясь, пока Лао Чжан что-то заметит, он начал

небрежно вбивать остатки эссенции в кожу.

— Такой уж я есть. Раз уж я пришёл в этот мир, нужно оставить в нём след. Лао Чжан, — его лицо, посвежевшее после маски, казалось ещё бледнее обычного. Вэй Ивэй пристально посмотрел на менеджера и вскинул брови. — Я хочу быть знаменитым. Несравненным. Как Кун Я в свои лучшие годы.

При упоминании этого имени сердце Лао Чжана пропустило удар, но он и видом не подал. Лишь натянуто улыбнулся и похлопал Ивэя по плечу:

— Просто работай, снимайся, давай концерты. Тебе не нужны обходные пути, чтобы достичь таких высот.

Он обхватил голову Ивэя руками, заставляя его смотреть в зеркало:

— С таким лицом грех не стать звездой.

Вэй Ивэй громко расхохотался. Лао Чжан вышел из гримёрки, мельком взглянув на визажистку, которая в нескольких метрах от него задумчиво протирала руки.

Он поздоровался с ней, но, едва отвернувшись, тут же перестал улыбаться.

Кун Я. Великий актёр конца прошлого века, киноимператор, чьё имя до сих пор окутано легендами.

Вскоре после своего каминг-аута он стал жертвой грандиозного скандала: в сеть попали снимки, подтверждающие его бурный и неразборчивый образ жизни. Однажды снежным утром он покинул съёмочную площадку и исчез. Его нашли в ледяной глуши: он разделся догола и лёг в сугроб. Когда его обнаружили, тело уже наполовину скрыло пушистое снежное покрывало.

На следующий же день те фотографии разлетелись по всем газетам и журналам. Говорили, что, глядя на них, можно было лишь поразиться: этот человек был рождён для сцены, рождён, чтобы восхищать.

И рождён, чтобы остаться лишь актёром.

Позже те снимки исчезли из общего доступа — ходили слухи, что некий влиятельный человек выкупил все негативы и даже проданные тиражи газет. Сейчас, в эпоху интернета, такое было бы невозможно: никакие деньги не остановят лавину сплетен.

Поэтому слова Вэй Ивэя вызвали у Лао Чжана не восхищение его амбициями, а безотчётный

холод в груди.

Многие компании проявляли интерес к новому фильму режиссёра Мэна — печальной истории о поиске родных. Однако большинство предлагаемых актёров были «айдолами» на перепутье. Они надеялись с помощью этой картины смыть с себя образ героев молодёжных драм: заработав достаточно денег на малых экранах, они стремились получить престижные награды в большом кино, чтобы повысить свой статус. Идеальный путь для актёра, приближающегося к тридцати.

Фильмы режиссёра Мэна были классическим примером «высокого искусства для немногих»: кассовые сборы обычно оказывались скромными, зато картины неизменно собирали все авторитетные награды страны.

Мэн просматривал присланные фотографии, но оставался недоволен. Ни в одном взгляде он не видел того, что искал. Он и сам не мог точно описать это «нечто». Как опытный мастер, он понимал: кино — это многослойное творчество. Первый слой — персонаж, созданный сценаристом; второй — видение режиссёра; третий — интерпретация актёра. И всё это венчается операторской работой и способом подачи.

Успех фильма нельзя приписать только таланту исполнителя — это результат сложной командной игры, где образ рождается на стыке замысла создателей и воображения зрителя.

Некоторые режиссёры жёстко контролируют актёров, требуя лишь чёткого следования рисунку роли. Мэн был иным: он постоянно творил прямо на площадке, поддаваясь вдохновению момента, позволяя персонажу становиться всё более живым и многогранным.

Поэтому на вопрос о том, кто ему нужен, он мог ответить лишь одно: «Я пойду за чутьём». Многолетний опыт подсказывал: когда он увидит «своего» человека, он мгновенно почувствует, что этот актёр — и есть его герой, человек из его истории.

Фото Цинь Бао он видел ещё до встречи. Из десяти претендентов он отобрал троих, двое уже прошли прослушивание. Если и Цинь Бао не подойдёт — придётся объявлять открытый кастинг.

Дверь переговорной открылась.

Режиссёр обернулся и увидел красивую женщину лет тридцати в строгом деловом костюме — Лоу Фэй. Она сделала шаг в сторону, пропуская того, кто шёл следом.

В этот миг Мэну показалось, будто в комнате вспыхнул яркий луч света. Он не мог отвести взгляда от вошедшего.

— Здравствуйте, режиссёр Мэн.

Цинь Бао пришёл на десять минут раньше, но, обнаружив, что режиссёр уже на месте, сразу извинился.

— Сяо Цинь, признаться, глядя на фото, я сомневался, — прямо сказал Мэн, предлагая гостю сесть. — Не потому, что ты плох, совсем наоборот — ты слишком хорош собой для этой роли. Но твоя аура... она мне нравится. — Он помолчал. — С внешностью поработают гримёры. Давай попробуем пару сцен, здесь всё равно никого нет. Ты читал сценарий?

— Успел немного ознакомиться. — Веки Цинь Бао всё ещё немного припухли, словно он недавно плакал.

— И каково твоё мнение? — Мэн откинулся на спинку стула, призывая к откровенности.

— Сцена смерти приёмной матери героя из-за нищеты... она заставила меня плакать. Этот персонаж очень стойкий. В сюжете четыре поворотных момента. Первый — когда он узнаёт правду о своём происхождении, о том, что родители его бросили. В этой точке он окончательно прощается с детской наивностью. Ему всего пятнадцать — возраст, когда крайне важно самоопределение, но из-за обстоятельств он вынужден взрослеть быстрее сверстников, переключая внимание на жестокую реальность...

Цинь Бао спокойно и вдумчиво делился своим видением четырёх уровней трансформации героя.

Режиссёр слушал всё с возрастающим удивлением. Сценарий отправили в Фэньюй Чуаньмэй только вчера, и он не ожидал, что юноша не только успеет его прочитать, но и так глубоко прочувствует.

Впрочем, красноречие и актёрская игра — вещи разные.

Мэн выбрал именно тот фрагмент со смертью матери и предложил Цинь Бао импровизировать.

— Можешь представить на месте матери своего менеджера.

Лоу Фэй, присутствовавшая при разговоре, рассмеялась:

— Хорошо, где мне лечь, чтобы изобразить труп?

Режиссёр лишь отшутился, понимая, что просьба была не самой тактичной. Но лёгкость, с которой менеджер Фэньюй Чуаньмэй пошла навстречу, добавила компании баллов в его глазах.

Цинь Бао пододвинул стул и сел боком. Перед ним не было ничего, но он смотрел в пустоту так, словно перед ним был живой человек. Его пальцы переплелись, плечи чуть поникли.

Когда он поднял глаза, режиссёр Мэн мысленно воскликнул: «Это оно!»

Провинция С славилась своими суровыми горами и непредсказуемой погодой. Вэнь Жунси простудился в первый же съёмочный день. После сцены поисков человека в горах под проливным дождём его костюм был насквозь пропитан рыжей глиной, которая стекала к ногам грязными лужами.

— Жунси, иди переодевайся. Группа, готовим следующую сцену! — Гу Ляньхай нахмурился, заметив лихорадочный блеск в глазах актёра. Он коснулся его лба и строго добавил: — На сегодня твои сцены закончены. Возвращайся в отель и отдыхай. Завтра нам полдня в дороге провести, ты что, помереть решил?

— Я просто очень предан делу, — подмигнул Вэнь Жунси.

Гу Ляньхай не знал, смеяться ему или злиться. Увидеть, как великий киноимператор дурочится — сомнительная привилегия. Кто-то из группы уже успел сделать фото, но, поймав суровый взгляд режиссёра, поспешно спрятал телефон.

Сам Вэнь Жунси не возражал, лишь бросил вслед:

— Только фильтр наложите, ладно? Мне уже не восемнадцать, с «айдолами» тягаться сложно. Подретушируйте там чего-нибудь.

Девушка-помощница покраснела до корней волос и пролепетала, что никуда выкладывать не будет, оставит только для себя.

Лишь ассистент Вэнь Жунси был в замешательстве: «Брат Вэнь в последнее время какой-то подозрительно бодрый. Словно у него всегда отличное настроение».

В отеле ассистент заставил его выпить лекарство и уложил спать. На следующее утро после раннего завтрака им предстояло шесть часов пути до аэропорта. Там — быстрая еда в ожидании рейса и тяжёлый сон в самолёте.

После приземления их ждали ещё три часа на машине до места съёмок «Семидесяти двух часов».

Неизвестно, как просочилась информация, но стоило Вэнь Жунси выйти из автомобиля, как его

тут же окружила толпа. Фанатки кричали его имя, одна из них даже расплакалась от избытка чувств.

Всё началось с того, что кто-то из техперсонала шоу выложил в сеть фото актёра. Тун Лин сначала подумала, что этот человек — такой же фанат Вэнь Жунси, как и она сама, но, заглянув в комментарии, увидела сообщение от администратора фан-клуба: Жунси едет на «Семьдесят два часа».

Через час пост разлетелся по всем соцсетям, возглавив топ новостей.

Автор, видимо, испугавшись такой огласки, быстро удалил снимок, но слухи было уже не остановить.

Маркетинговые аккаунты тут же превратились в Шерлоков Холмсов. Большинство настроено скептически: с чего бы это Вэнь Жунси участвовать в таком? Последний раз он появлялся в телешоу девять лет назад, и то лишь для того, чтобы вручить награду в финале. С его статусом пойти на шоу — это как если бы солнце взошло на западе.

— Неужели «Семьдесят два часа» настолько отчаялись, что пустились во все тяжкие с фальшивыми вбросами? — писали в комментариях.

Один известный блогер-юморист под ником «В этой жизни сплю только с Вэнь Жунси» даже пообещал: «Если Вэнь Жунси появится в шоу, я после эфира съем дерьмо в прямом эфире на Байлан TV». К посту прилагалось фото унитаза.

Вынырнув из мира соцсетей, Тун Лин всё же решила уточнить информацию в закрытом чате фанатов.

Администратор группы ответил свысока:

— Господин Вэнь сейчас в горах на съёмках. Не верьте сплетням. Шоу нужны либо для пиара нового фильма, либо ради денег. Вы серьёзно думаете, что нашему Вэню не хватает популярности или финансов?

Тун Лин даже покраснела от стыда.

Но после обеденного сна соседка по комнате буквально вытряхнула её из кровати, призывая ехать в райцентр, где расположилась съёмочная группа. Тун Лин отнекивалась, пока соседка не прикрикнула:

— Там твой Жунси, а ты спать собралась?!

С сомнением в душе она всё же поехала. У отеля, где остановилась команда «Семидесяти двух часов», было не протолкнуться.

Когда из машины вышел мужчина в маске, Тун Лин сорвала голос от крика. Пусть он хоть с ног до головы закутается — она узнает его из тысячи. Как она любила шутить: «Я своего Господина Вэня по пеплу узнаю».

Вэнь Жунси помахал фанатам рукой. Одну девушку толкнули, и она упала прямо под ноги толпе. Актёр, уже поднявшийся на ступени отеля, вернулся и помог ей встать.

Тун Лин лишилась дара речи. Её била дрожь.

Бархатистый голос Вэнь Жунси, не терпящий возражений, ворвался в её сознание:

— Осторожнее. Не ушиблась?

— Нет... всё хорошо, — пролепетала она, сглатывая комок в горле. — Можно ваш автограф? Я... я ваша фанатка уже десять лет...

У неё предательски заблестели глаза.

Внезапно толпа взорвалась восторженным воплем.

Вэнь Жунси снял маску, явив миру своё безупречное лицо, и мягко улыбнулся. Он протянул руку за ручкой и пошутил:

— Только не говори, что выросла на моих фильмах, а то я почувствую себя совсем стариком.

— Нет... что вы... Вы вечно молодой! Вам всегда восемнадцать! — Тун Лин чувствовала, что несёт несусветную чушь.

В итоге по её просьбе он написал: «Маленькому другу Тун Лин — удачи на экзаменах в аспирантуру. Сдай всё на отлично». И размашисто расписался.

Глядя, как Вэнь Жунси уходит под охраной в отель, Тун Лин едва не лишилась чувств от счастья. Хорошо, что подруга вовремя подхватила.

В стороне, в другом автомобиле, уже полчаса сидел Кун Я. Он с раздражением посмотрел на своего менеджера.

— Ну, долго ещё? Что за цирк он тут устроил? Сам, небось, массовку нанял, чтобы сцену эффектную разыграть.

Юй Мин сидел рядом и не смел вставить ни слова.

Менеджер обернулся к Кун Я и строго произнёс:

— Это Вэнь Жунси. В этой серии веди себя тише воды, ниже травы. Если этот человек топнет ногой — вся индустрия задрожит.

— Подумаешь, актёр, — фыркнул Кун Я.

Менеджер лишь холодно взглянул на него, не считая нужным что-то объяснять.

Истинный вес Вэнь Жунси и его активы были тайной, доступной лишь верхушке бизнеса. Менеджеру повезло: руководство компании доверяло ему, и перед съёмками ему намекнули, с кем придётся иметь дело. Если Кун Я суждено пробиться — он рано или поздно поймёт, кого нельзя трогать. Если нет — то и знать ему об этом незачем.

Это шоу станет его последним выходом в свет.

Вчера ассистент принёс досье на нескольких новичков. Двое выглядели многообещающе: типаж как у Кун Я, победители вокальных конкурсов, первокурсники консерватории. Восемнадцать лет — самый расцвет. Стоило присмотреться к ним повнимательнее.

Менеджер проводил взглядом Кун Я и Юй Мина, после чего велел водителю ехать в объезд, к небольшому кафе на окраине города.

Там его ждала молодая, энергичная девушка — Вэй Кэнин, первая помощница режиссёра Ли Юньхуэя.

Она вежливо кивнула и пригласила его за столик.

Менеджер передал пожелание компании: сделать акцент на взаимодействии Юй Ци и Кун Я, чтобы создать эффект «сладкой парочки», как в прошлом сезоне.

— Я передам ваши слова режиссёру Ли, — Вэй Кэнин сохраняла профессиональную улыбку, но не дала ни тени обещания.

Менеджер лишь вздохнул. Срываться на девчонку, которая ничего не решает, было ниже его достоинства.

Когда он ушёл, Вэй Кэнин лишь хмыкнула и, оплатив счёт, вышла.

Она передала пожелание Ли Юньхуэю, но, судя по его отсутствующему взгляду, тот пропустил всё мимо ушей. Сейчас все его мысли были заняты лишь одним: какую роль в его шоу должен сыграть такой титан, как Вэнь Жунси.

Большая удача всегда сопряжена с большим риском. И раз уж Вэнь Жунси согласился лишь на одну серию — режиссёр был намерен выжать из этой возможности максимум.

<http://bllate.org/book/17537/1701267>